

Для Семьина

ВРАЧЕБНАЯ

· Т · А · И · Н · А · 2

Дия Сёмина

Врачебная тайна 2

<https://litres.ru/74223893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не ведьма, а клинический психолог в теле обманутой жены. За семейными тайнами скрываются интриги государственного масштаба, и непростые личные отношения, зажатые рамками приличий патриархального общества. Мне бы себя спасти от новой навязчивой родни, а я начала спасать тех, кто сам не в силах справиться со своей душевной травмой. И кажется, я слегка зарвалась, перешла дорогу таким людям, от которых лучше держаться подальше.

Альтернативная Россия конца XIX века, детектив, любовный треугольник, немного психологических терминов и разборов, расследования, тайны, интриги. Мистика (не магия).

2-я книга серии "Врачебная тайна"

Содержание

Глава 1. В ловушке	4
Глава 2	12
Глава 3. Я почти зомби	24
Глава 4	31
Глава 5. Безвыходная ситуация	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дия Сёмина

Врачебная тайна 2

Глава 1. В ловушке

Я оказалась в запертой в своём же теле, как в каменном мешке, выбилась из сил, пытаюсь вырваться на волю и занять главенствующую позицию, задвинув тёмное «Альтер эго» туда, где ему самое место, пока оно не успело натворить новых бед.

Тело перестало реагировать на мои приказы, словно я снова впала в кому. Вот он, случайный, но очень эффективный триггер, внезапно вспомнила последние секунды с Гришей. Он действительно закрыл собой меня – Светлану в экстремальной ситуации, но неудачно. Мне тоже досталось, но предшествующие события не выстраиваются в логичный ряд, было шумно, суматоха, паника, а потом хлопок, темнота и тишина. Как я оказалась в опасном месте, так и не вспомнила, увы.

Потом сознание долго витало в облаках, но тело, в каком ещё теплилась жизнь, не позволило мне перейти в мир иной, долгая медикаментозная кома сделала меня заложницей обстоятельств. И всё это время со мной был Гриша, он не оставил меня из-за чувства вины, упустил все сроки, и три дня,

и девять, и сорок дней. А когда я перешла грань жизни и смерти, мы вдруг стали неразлучными, как родственные души, как одно целое, даже смерть не смогла разделить нас...

И теперь я ровно в такой же ситуации за одним ужасным исключением, моё новое тело не лежит, подключённым к аппаратам жизнеобеспечения, а творит какую-то лютую дичь, и я совершенно не в силах повлиять на действия Аси Хайд, а она времени не теряет.

Иногда до моего сознания доносятся отголоски событий. Чувствую, что мы куда-то идём, затем происходит неприятный разговор, сути не понимаю, но чувствую бешенство Аси, и фантомное вздрагивание, как если бы я кого-то ударила. Она совершенно точно отвесила кому-то оплеуху, причём очень крепкую.

С этого момента я перестала биться и затихла, чтобы хотя бы по всплескам сознания догадаться, что происходит, и сразу проявился знакомый, терпкий аромат. Я не вижу, не слышу, но чувствую хорошо.

Сейчас в комнате или кабинете со мной находится Елена, надеюсь, это именно ей леди Хайд залепила звонкую пощёчину. Опять разговоры и довольно тихие, судя по теплу, коим отзываются слова Кирилла Львовича в сознании Аси – это неприкрытая лесть и множество обещаний, какие она давно ждёт. Но нотки недовольства и раздражения есть, их вызывает Елена своим присутствием.

Кажется, я понимаю, почему: Елена, устроив никчёмный

брак Насти с Андреем, исковеркала идеальную картину и репутацию молоденькой, перспективной боярышни. И теперь все радужные обещания, сверкающие перспективы счастливой и очень богатой жизни в кругу новой родни меркнут неприятными моментами, такими как развод, запятнанная репутация и отсутствие невинности, что для нового и весьма перспективного брака было бы весьма кстати. Однако Рубской готов взять на себя все хлопоты, если только Анастасия Сергеевна соизволит подписать какие-то документы, как последняя представительница знатного рода...

С трудом собираю пазл смыслов из отдельных фраз и слов, что доходят до моей «камеры сенсорной депривации». Пытаюсь достучаться снова, кричу Асе, чтобы не смела подписывать никакие бумаги, но она меня не слышит, гипнотическая блокада, вот что сделал Рубской, и я не могу обойти блокировку, как ни пытаюсь.

Снова тишина, не единого эмоционального всплеска, но судя по состоянию тела, мы вышли на улицу, поднялись в карету и куда-то едем.

Тьма...

— Настя! Настя! Очнись! Боже мой, что с тобой? Кома?

Над моей головой раздались довольно резкие выкрики Андрея, он сначала тряс меня, но безрезультатно, а теперь обтёр лицо мокрым полотенцем, и я, наконец, очухалась.

Я! А не бестолковая леди Хайд! Что б ей...

— Ай! Боже, где я? — подсказываю в полумраке так рез-

ко, что ударяюсь об Андрея головой, отчего я снова завалилась на подушку, а он громко вскрикнул.

— Да что с тобой!

— Припадок, но не простой! Ужасно, всё совершенно ужасно! — начинаю причитать, как умалишённая. В сознании, наконец, вспыхнуло предчувствие катастрофы. Страшно даже предположить, что «я» успела натворить, пока бразды правления были у моей ненормальной «напарницы». А она уже и не скрывает, с упоением «показывает» мне картинки произошедших событий, заставляя погрузиться в леденящую реальность.

Она празднует победу?

Сейчас кажется, что под кожей ползают красные муравьи и жалят, тело щиплет, в висках тюкает, осознание сдавливают обречённостью самое ужасное чувство неоправимости, невозможно отменить разрушительные действия, на это и рассчитывал новый, не пойми откуда взявшийся «родственник».

— Да что случилось-то? — муж уже сел на мою кровать, но место удара продолжает тереть, совершенно не понимая, что происходит.

— Вечером, когда тебя не было дома, приезжал Рубской, адвокат Елены, он меня загипнотизировал, лишил воли и заставил подписать какие-то бумаги. Это катастрофа. Никто не докажет, что я была не в себе.

Андрей сидит, с ужасом глядя на меня, и вдруг продолжил

фразу:

— А если докажут, что ты была не в себе, то тебя лишат вообще всякой свободы воли. Настя, вспоминай, что ты подписывала.

— Мне нужно к графу, прямо сейчас...

Делаю судорожную попытку подняться, но Андрей меня придержал, и довольно крепко, не позволяя встать с постели.

— Сейчас три часа ночи! Нам не откроют. Дождись утра, если ты что-то подписала, то у документов обратного хода не будет. Они обыграли нас по всем статьям. Синод ещё не определился, слабая надежда есть, я сделал пожертвование, и епископ оставил дело без рекомендаций, всё будет решать царь. Но эти бумаги, что ты подписала могут привести к фатальным последствиям. Елена сорвалась с цепи: она мстит не только тебе, но и мне...

— Это не Елена его нашла, а он взял Елену в оборот. Он мой дядя из «нерукопожатного» рода моей странно умершей матери. Этот человек председатель коллегии адвокатов, думаю, что у него не меньше власти, чем у графа Аракчеева. Всё кончено. Если хочешь жить, соглашайся со всеми условиями, какие они тебе выдвинут, и отступай. Ты для них как кость в горле и пятое колесо одновременно...

Даже в полумраке спальни я увидела, как сверкнули страхом глаза мужа.

— Хочу жить? О чём ты?

— Неважно, ты мечтал экономить, живя в квартире, тебе

лучше эту самую квартиру начать подбирать. Скоро к тебе придёт адвокат Елены и сделает предложение, от которого нельзя отказаться, иначе твоё тело найдут в каком-то из каналов.

И снова совершенно безразличный, спокойный голос, который пугает меня ещё больше, чем все последние события и воспоминания.

Неспешно поднимаюсь с постели, через другую сторону от мужа, чтобы не случилось пикантных моментов между нами, сейчас в состоянии аффекта он на всё готов. Босая иду в ванную, чтобы смыть следы гипнотического морока и взбодриться. Всё равно придётся спуститься на кухню и хоть чем-то перекусить. Нестерпимый голод даёт о себе знать.

— Настя! — он всё же сделал тот шаг, какого я пыталась избежать. Резко поднялся, ухватил меня за руку и привлёк к себе. Обнял, скорее скрутил в объятиях, чтобы я не смогла вырваться, и наши губы встретились. Жаркий, терпкий поцелуй, от которого всё плавится внутри и желает продолжения, требует жадных касаний, в таких местах, где тело отзывается стоном. И уже я не могу сопротивляться, когда он прикасается ко мне так, будто каждый сантиметр моей кожи — его территория. Его жадные губы медленно спускаются по шее, оставляя след огня. Не в силах дышать, запуская пальцы в его волосы, заставляя стонать от возбуждения.

Ещё немного и его страсть потопит нас окончательно, открываю глаза и ищу в себе силы оттолкнуть, пока не стало

слишком поздно...

— Что ты делаешь со мной, отпусти!

Меня напугала не страсть, а то, что во мне вдруг отозвалось нечто слишком жаркое и...

Андрей внезапно вскрикнул и отшатнулся, словно я прокажённая.

— Какого чёрта, Настя! Какого чёрта! — развернулся и выбежал из спальни как ошпаренный...

Обессиленная, я опустилась на пол, чтобы не потерять равновесие, не Андрей меня целовал...

— Прости, не сдержался, — прошелестел призрачный голос и стих.

Дорогие друзья, добро пожаловать в продолжение истории Анастасии Сергеевны. Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять, за лайк отдельная благодарность от автора и героев.

Глава 2

Поцелуй приоткрыл таинственную завесу прошлого и жестоко наказал Асю, она ничего не почувствовала, как ни старалась, этот поцелуй был мой.

Новые воспоминания вспышками пробились сквозь полумрак амнезии. В нашем мире, мы с Гришей всё время цапались по долгу службы как кошка с собакой, деталей не помню, но помню, как вокруг нас бурлила энергия...

И он посчитал, что это – любовь, а я была слишком молодая, амбициозная «всезнайка», и мне польстило приглашение на первое романтическое свидание от человека, которого я каждым своим замечанием доводила до бешенства. Я просто не успела его полюбить, и он это чувствует, а ещё чувствует вину за нашу преждевременную гибель.

Теперь я в теле женщины с расщеплением личности, а он слегка мёртвый, если так можно назвать состояние «живенького» призрака.

Так и сижу на полу, прикоснулась пальцами к губам и улыбаюсь, скорбь и страсть – ужасное сочетание. Я понимаю, что на этот поцелуй он решился только от безысходности.

Но теперь приоритеты расставлены так, что их даже взрыв не сместит. Мне уже совершенно всё равно, что станет с этим телом, раз Ася так упорно подставляет себя. Я просто выйду из тела в один прекрасный момент и оставлю её один на один

со своими демонами!

Зато получу волю и Гришу, пока он не потерял ориентиры между светом и тьмой. Я должна его поддержать, пока он не превратился в такую же тёмную пакость, как Ася, такой грех я себе никогда не прощу.

— Ася, ты добилась чего хотела, поздравляю!

Ультиматум с моей стороны получился, с таким мощным потоком эмоций, что даже самый скудный эмоциональный интеллект распознает «красный флаг», или знак «stop» — дальше двигаться некуда. Я у черты необратимости...

Она так и не отозвалась. А я, наконец, поднялась с пола, ноги онемели и замёрзли, пришлось в потёмках отыскать тёплые носки, надеть домашние туфли, стёганный, тёплый халат и шаль, что-то слегка морозит. Но я всё равно очень хочу есть, надеюсь, что на кухне есть хоть что-то уже готовое, хоть бы хлеб с маслом.

Спустилась и очень удивилась тому, что здесь в три часа ночи хозяйничает Николай.

— Ой, госпожа, простите, не спалось, решил чаю испить. Вернулся поздно, но как я вам благодарен. Завтра утром со следователем едем за матушкой, как всё быстро закрутилось. Он её расспросит в монастыре и сразу заберём, якобы для дачи показаний на повторном слушании, но, как сказал следователь, это уже сущие формальности.

Он поставил на керосинку небольшой чайничек. И сейчас чувствует себя ужасно неуютно, оттого появилось мно-

го лишних движений, слегка суетных, зачем-то полотенцем смахнул несуществующие крошки со стола, словно официант в пустующем ресторане, а я единственная клиентка.

Делаю вид, что меня суета не раздражает, с другой стороны, она и правда не раздражает, меньше всего мне сейчас хочется быть одной. Однако у меня нет слишком приятных новостей для него, к сожалению.

— Замечательнейшая новость. У меня сейчас личные пертурбации, в смысле коренные изменения в жизни. Но, надеюсь, вас с Марией это не заденет.

— Вы хотите съехать или продать дом? — он сейчас выглядит слегка озадаченным.

Улыбаюсь, странный парень, словно не понимает, что лично я ничего сделать не смогу, и если что-то будет происходить, то совершенно не по моей воле, ведь я всего лишь женщина в мире жестоких мужчин.

— Не знаю точно, кажется, у меня меняется опекун, но я хотя бы, успела вам помочь, — говорю максимально спокойным голосом, и не ради него, а ради себя, чтобы не усугублять тревожность.

Проверила шкафы и нашла в шкафу французскую маслѐнку, каравай свежего хлеба и малиновое варенье, то, что нужно для «Ночного дозора».

Но Николай внѐс весьма приятные коррективы в незамысловатое меню:

— А я копчѐное мясо принѐс и огурец, успел купить на

рынке до закрытия. Или вы сладенького? — он стоит с полотенцем на плече, и с видом человека, желающего угодить, и при этом не досаждать.

— Хм, дайте-ка подумать, молодой человек, а ведь вы правы, хороший бутерброд в нашей ситуации спасёт положение, могу нарезать, люблю тоненькими слайсами, чтобы таяло во рту...

— Конечно, я-то если режу, то толсто, по-простецки, чтобы заметно было, что откусил-то.

Улыбаюсь, а он уже суетится у буфета, где лежат его личные припасы, развернул, мясо, какое и правда надо съедать быстрее, ведь холодильников нет, а лёд в подвале, скорее всего, давно растаял. В такие тонкости местного быта я не успела вникнуть.

— Вот, пожалуйста, самый острый нож, доска и мясо, режьте побольше. А то долго не пролежит, а я пока чаем-с...

В этот момент, он слегка неуклюже меня задел рукой, стараясь посподручнее положить доску с салом на стол...

Смутился так, словно я его ошпарила, или, простите, у нас сейчас половой акт произошёл. Покраснел, ощутил приступ начинающейся паники, но сделав над собой невероятное усилие, остался в кухне, однако отошёл от меня на самое безопасное расстояние.

— Простите, я ничего такого. Случайно...

Я в его понимании очень привлекательная, знатная, и, видимо, загадочная особа, почти небожитель.

А у него филофобия — боязнь любви и отношений, причём в самой острой стадии. Но гормоны и мужское начало не волнует наличие психологических проблем, они шарашат по нему с безжалостной силой, ведь молод и симпатичный, и явно хочется секса. А детская травма, плюс бабкины мерзкие установки создали почти непреодолимый блок для чистых, светлых чувств.

— Ты не сделал ничего предосудительного. Это простое, бытовое взаимодействие. Мы не семья, всего лишь соседи, но так бывает, что люди иногда касаются друг друга случайно и не испытывают из-за этого стыда.

Он натянуто улыбнулся, так и прочиталось в его мимике: «Ну да, конечно, то люди, а то вы!».

Вот и первый пациент. Если я не «реанимирую» в нём доверие к женскому полу, то, не приведи Бог, получим какого-нибудь маньяка на четверть ставки. Всё же папашины гены никто в утиль не списывал.

Я внезапно слёту ощутила все тонкости, нюансы и скользкие места в его картине мира и карте личности, словно он у меня в терапии год.

А ментальные сверхспособности ещё и «картинок» накидали для иллюстраций, эту бабу, свекровь Марии нужно посадить в тот карцер, где я провела неделю, и забыть навсегда.

Пока Николай делает чай, судорожно соображаю, с чего подступить к проблеме, у меня только теоретические знания, я не практикующий психолог, и тем более не психиатр.

Я имела дело со следствием, а не с причинами патологий и преступлений.

Мне придётся как-то приспособить свой опыт к новым условиям.

Тем временем чашка с чаем уже передо мной, а на доске аккуратно лежат идеально нарезанные пластиночки мяса и огурца. Хлеб я тоже сама нарезала, предчувствуя, что ему сейчас не до нарезки.

Но натюрморт Николай оценил.

— Ох, госпожа. Так красиво даже в ресторане не нарезают, вы всё сами, надо же.

Ну вот, я сломала первый стереотип, что знатные барышни – белоручки.

Сама же и собрала нам бутерброды, мясо оказалось очень вкусным, с ароматом дымка, нежное, томлёное и сытное. Огурец – идеальный по вкусу, эталонный. Не такой, как в наших супермаркетах.

— Как вкусно! Спасибо, Коля, ты мой спаситель. Сладкого вообще не хотелось, а этот бутерброд, самое то, что нужно. Пока жуём, расскажи о себе, ну кроме того, что я уже знаю. Про службу, про друзей...

Он снова смутился.

— Да, к чему, я маленький человек, управляющий небольшой лавкой, у которой всего оборота в год около четырёх тысяч. Торгуем всем подряд, хозяин не очень разборчив, сам закупает, что, по его мнению, даст большую при-

быль. А мы потом крутись-вертись, ведь на входе-то цена — мизер, так и товар, простите, соромный, нередко и возвращают. Кручусь, а что делать, деньги неплохие, почти восемнадцать рублей.

Он оживился, когда разговор вывел нас в его зону комфорта. И я немного успокоилась, у него есть стабильные области, где он чувствует себя уверенным, самооценка вполне стабильная, но по части взаимодействия с людьми, другое дело, личное.

Ему бы довольно быстро помогла техника ДПДГ (*десенсибилизация и переработка движением глаз*) и я бы смогла провести эту терапию, но боюсь, напугать его непонятными манипуляциями, пришлось сразу же вычеркнуть эффективный метод, или отложить на потом.

И тут я вспомнила очень непростую ситуацию, которая вот-вот произойдёт в его жизни: встреча с матерью после очень долгой разлуки, плюс куча фобий и проблем, причём с двух сторон, Мария тоже не с курорта возвращается. Эту проблему я не смею игнорировать.

Ёлки-палки, мне бы хоть пару-тройку дней. Но их нет. Придётся проводить шоковую терапию и молить Бога, что парень выдержит.

— Работа не только даёт доход, но ещё и лечит. Твоя матушка тоже спасалась работой и молитвой. Ты же понимаешь, что её душа изранена так же, как и твоя?

— Моя? — он впервые услышал, что его душа изранена,

и очень удивился.

— Да, Коля, твоя душа, израненная, как у солдата, вернувшегося с войны. Ты в детстве пережил такое, что не каждый взрослый переживёт, и после всего, ещё и десятилетие жизни с очень деспотичной, обиженной на весь мир женщиной, которая вымещала свою боль на тебе. И у твоей мамы ситуация примерно такая же. Ваши души, как бы это сказать деликатно, зашоренные. Вы десятилетия провели в очень непростых условиях и отношениях. А теперь рамки и границы расширились, могут появиться новые отношения, и вам нужно к этому привыкнуть, а привыкнуть к этому быстро невозможно, вот о чём я сейчас переживаю. Понимаешь?

Его руки опустились, бутерброд потерял пару колёсиков огурца, но Коля этого не заметил, его фокус внимания впервые направлен в глубину своего «я». Конечно, он всегда задумывался о себе, и своих потребностях, как любой человек, но не так, как сейчас. В этом обществе не принято рассуждать на подобные темы, а я ими жажнула по его неокрепшей психике. И пока только самую малость, а парня уже проняло до позвоночника. Сама ощущаю, как в нём сейчас всё вспенилось: и стыд, и страх, и ненависть к бабке, и к отцу, и к себе за малодушие, он корит себя, что не поехал к матери раньше и не поговорил по душам...

Первая скупая, мужская слезинка скатилась по щеке с едва пробивающейся тёмной щетиной. Болезненное зрелище даже для меня.

— Я должен был съездить, но не мог...

— Да, я прекрасно это понимаю, и ты понимаешь, и Мария понимает. Для неё это будет шок, ведь она с тобой рассталась, когда ты был маленьким мальчиком. А сейчас за ней приедет красивый, сильный мужчина, способный постоять за неё, за себя, за вас! Ты теперь сильный, Николай, ты глава вашей маленькой семьи. И вот что я тебе скажу: идеальных людей нет, вообще нет. Ни одного. Ой, нет, один был, но его распяли на кресте. Понимаешь, насколько всё серьёзно?

Он кивнул, и вторая слезинка скатилась, но замерла на щеке, застряв в щетине.

А я продолжаю, давить, потому что потом может быть поздно:

— Мы не должны искать в людях идеал, жить надо, чувствуя сердцем, и честно себе признаваться в чувствах. Учужал опасность, но хочется пощекотать нервы, испытать эйфорию опасности – тогда потом не жалуйся, что тебе прилетело по шее. Хочешь семейного счастья, любви, найди того, кому твоя любовь нужна. И нельзя путать любовь и страсть, всё очень сложно, и ты не одинок в своих переживаниях. Твоей маме нужна забота, тактичность и любовь, которая бы её не смущала...

— Но как тогда жить? Делает шаг и барьер, следующий и снова. Кому верить? Если родной отец...

Вот оно!

Его голос сорвался на хрип, мне также тяжело, но нужно

выдержать и найти верные слова, нельзя сейчас никого обвинять, нужно зайти на проблему со стороны света. Пожимаю плечами, и вдруг в голову пришла простая мудрость, того самого прекрасного парня, которого жестокие люди распяли на кресте:

— Как лилии в поле, как цветы, птицы, дарить людям, красоту, заботу, любовь, не ожидая ничего взамен. Но не становясь жертвой, не сажать на шею пиявок, которым от тебя было бы нужно только получать. Жизнь – это искусство держать баланс и равновесие. И у тебя завтра начинается первый и очень тяжёлый этап – реабилитация, точнее, возвращение матери в социум, в смысле в общество. Ты ей будешь помогать, но не потакать и не ущемлять её многолетние привычки, и я тоже буду рядом. Это огромный труд. Огромный! Вся надежда на тебя, Коля, на твоё терпение и мужество.

— Я буду вас слушаться, подумать только, такие простые слова, а какие смыслы. Я ведь хотел пойти в священники, но понял, что не смогу, грех на душе чувствовал, такой грех, что и представить сложно. А вы мне его раскрошили, да ко крупинке разобрали.

Выдыхаю с облегчением. Было предчувствие, что он склонялся в сторону сублимации, чтобы решить свои проблемы, и как бы отработать, отмолить грехи. Но теперь у него есть дело гораздо важнее – спасти мать.

— Не только ради тебя, но и ради Марии, я с тобой сейчас так откровенно поговорила. В любом случае ты должен по-

нимать, что искренняя любовь творит чудеса, и материнская любовь сильнее всего. Она пожертвовала собой, спасая тебя. Твоя жертва должна быть гораздо проще...

— Я готов на любые жертвы.

— Стань счастливым, женись на милой, спокойной девушке, родите Марии внуков, и тем спасёте всех.

Катарсис случился...

Мы прорыдали до раннего рассвета, проговорили о жизни, о планах, о бытовых мелочах. Моей заслуги в этом самая малость, потому что он сам основательно задумывался о служении Богу. Но всё равно, я вдруг тоже испытала эйфорию первого сеанса. Кажется, что всё сделала неправильно, но увы, у меня нет времени на длительное лечение, и я сделала то, что могла в непростых обстоятельствах.

— Пошли спать! Уже рассвет, тебе через несколько часов выезжать в монастырь.

— Я для мамы купил гостинцев и шаль, но даже не представляю, как она выглядит...

— Она пожилая, статная и всё ещё очень красивая женщина. Слушай, я бы с тобой поехала, но у меня в городе много дел, они все противные, но я вчера устала и боюсь, что не выдержу поездку, тем более вы со следователем, но я бы хотела написать письмо настоятельнице с благодарностью.

— Я непременно передам его.

— Вот и хорошо, не жди, сейчас спокойно напишу и утром отдам Стеше, у неё спросишь перед отъездом.

— Вам нужно отдыхать, жизнь-то и с вами без церемоний обходится.

— Да, что верно, то верно. Но, если присмотреться она всех закаляет. Спокойного утра!

— Спасибо и вам, я посуду помою, не извольте беспокоиться, госпожа.

— Зови меня Анастасией Сергеевной, пожалуйста.

— Как прикажете, Анастасия Сергеевна. Спокойного сна.

Так, случайно, совершенно незапланированно я провела первый в своей жизни настоящий, самостоятельный сеанс психотерапии, не успев продумать, осмыслить ситуацию, просто поддалась интуиции и очень надеюсь, что не пожалею об этом.

Глава 3. Я почти зомби

Поднялась к себе, зажгла масляную лампу и написала очень короткое, но сердечное письмо настоятельнице Евдокии с великой благодарностью за то, что она в меня поверила. Кратко рассказала, что у меня всё сносно, но шторма во круг бушуют. Ещё немного описала суть трагедии Марии, и что мы будем продолжать за неё бороться, пусть хоть непредумышленное, но убийство произошло, и не всё так просто, как бы того хотелось.

Стеша уже встала, и я решила сразу отдать ей конверт, потому что если усну, то точно до обеда:

— Доброе утро, Стеша! — испугала девушку, она вздрогнула, но посмотрела на меня обеспокоенным взглядом старшей сестры.

— Доброе утро, вы никак и не спали?

— Нет, не спала. Всё дела. Вот письмо настоятельнице монастыря. Николая через час, пожалуйста, разбуди и отдай ему, он отвезёт.

Она взяла письмо, но продолжает на меня смотреть, пытается понять, что со мной такое? Видимо, вчера, когда Ася вернулась домой, поведение сильно отличалось.

— Вы себя хорошо чувствуете? А то вчера, как не в себе были, Андрея Антоновича испугали-с, мы и не знали, что делать. Но за лекарем он побоялся отправить...

— И правильно сделал. Меня против воли, под гипнозом увёз этот страшный господин, это когда человеку отключают сознание и заставляют делать то, что кому-то нужно. Потому я была не в себе.

Стеша, кажется, поняла, о чём я пытаюсь ей сказать.

— Как пьяный, но без вина? Была на таком представлении, знаменитый маг так людей усыплял, да не лёжа, а стоя, потом заставлял делать всякие дела чудные. Все смеялись, а мне жутко. Так может больше этого господина-то не пускать, кто вас увёз?

— Непустишь его, как же, он куда угодно войдёт. Опасный человек. Да, не пугайся, тебя он не тронет, а как этого известного мага зовут? Он сейчас в городе? — пришлось слегка успокоить напуганную Стешу и меня очень заинтересовал «специалист» по гипнозу, шарлатан, или одарённый, но было бы любопытно посмотреть.

— Маэстро Фикс или Фитц, не помню, он, случается, уезжает на гастроль, но в столице часто представления-то даёт. Бесовское это всё, страшное. Скорее бы вы прислугу наняли, от Прошки толку мало, он всё во дворе. Хорошо, хоть Николай у нас поселился, всё не так страшно. А то по городу слухи полнятся, дома богатые часто грабить начали, никакого спокойствия. Господи сохрани и помилуй, не одно, так другое.

Она наспех перекрестилась.

— Как только назначат день собеседования, так сразу и наймём. Ещё и Мария приедет, она спокойная, работающая.

Думаю, что вы сработаетесь. Ох, устала, пойду спать, а то уже перед глазами всё плывёт. Завтрак на меня не готовь.

— Слушаюсь, госпожа. Через час Николая разбудить, он сам завтракает, а Андрею Антоновичу подать, — перечислила дела для уточнения, и я подтвердила.

— Да...

Отдала распоряжения и побрела к себе, не люблю ночные бдения, после них голова гудит весь день и сон восстанавливается только через пару суток. А мне опасно надолго отключаться. Однако всё равно, как бы я ни старалась, как бы не выдумывала варианты для предотвращения неприятностей, они всё равно будут.

Снова вспомнила поцелуй, и по телу пробежало согревающее возбуждение, не иначе, овуляция началась, тело слишком отзывчивое, эмоции зашкаливают, я сдержусь, а вот Ася Хайд может вычудить...

— Надеюсь, сейчас ты дашь нашему телу отдохнуть? Постарайся больше не совершать опрометчивых поступков.

— Таких, как этот поцелуй? И после него ты будешь меня призывать к совести?

— Вообще-то, Андрей пока ещё мой как бы муж, хочу и целуюсь с ним.

Хмыкаю, надо же праведница нашлась. Понимаю, что она не скажет ничего, что делала с Еленой и Рубским, какие бумаги подписала, да мне сейчас и не хочется с ней говорить. Неспешно сняла тёплый халат, задёрнула плотные шторы и

легла, не умываясь, чтобы ненароком не прогнать приятную сонливость.

Скорее уютно укрываюсь с головой тяжёлым ватным одеялом и закрываю глаза, мне уже всё равно, что там себе напридумывала Ася Хайд.

Но она решила меня доконать своей ревностью.

— Нет, ты всё это специально подстроила, желая меня разозлить, знаешь, как я ненавижу Андрея и, как отношусь к нему, — она не назвала Гришу, чтобы он ненароком не появился и не прекратил наши распри...

— Пф, ты со мной двадцать четыре часа на семь дней, мы даже в туалет вместе ходим, это я не знаю, чем ты занимаешься, когда выключаешь меня. И как, по-твоему, я могла подстроить этот поцелуй? Может быть, это начал Андрей...

Выговариваю ей, как ревливой девочке-старшекласснице, и правда, надоела мне эта обуза, сил нет. А она тут же ответила с нотками истерики, благо, что этот голос у меня только в голове и не верещит на весь дом:

— Это начал Григорий, он вошёл в тело Андрея и поцеловал тебя, он тебя любит, так любит, что не оставил ни на том свете, не после смерти, ни в этом мире, да-да, я уже многое поняла, наблюдая за тобой. Он тебя поцеловал, но это пустое, он призрак...

— Уговариваешь меня тоже стать призраком и оставить это тело тебе? Я же сказала, что доведу дело Марии и мы с Гришей уйдём, и живи ты, как хочешь, я могу помогать

только тем, кто хочет помощи. Таким, как Коля и Мария. Всё, дай мне поспать, и сама отдыхай.

Переворачиваюсь на другой бок и чувствую, что паршив-ка выбила из меня спокойствие, как пыль из коврика.

— Нет...

— Что нет?

— Я пробовала быть без тебя и не могу продержаться долго... — в этот момент, она вдруг «приоткрылась», защитная оболочка или блокировка ослабла, не исчезла, но я смогла её ощутить так, как она ощущает меня.

Ощутила и сама чуть не лишилась сознания.

Ася не личность в прямом понимании, не человек. Это именно какая-то мистическая сила, изменённая ли в прошлом душа, или такая и есть мистическая сущность, демонического в ней не заметила. Но внезапно поняла одну невероятную тайну.

Она не может жить без человеческой души и сознания, пытается, копирует, сама себя обманывает, как в случае с привязанностью к Грише. Подделывает эмоции, все, кроме двух настоящих: страх, как у животного, даже не страх, а инстинкт самосохранения у неё включён на полную, и злость, она не в силах развернуться на всю мощь, и все обстоятельства складываются против её воли. Всемогущий джинн, запертый в старой лампе, в нашем случае, некая лярва, запертая в хрупком женском теле.

И самое удивительное: у неё нет «сращения» с организ-

мом, она не ощущает тело, не ощущает боли и не может полноценно функционировать. Без меня тело Насти станет чем-то вроде персонажа из зомби-апокалипсиса, буквально через несколько дней, тело начнёт разлагаться.

Я – жизнь и воля, она – сила.

И до неё эта данность, наконец, дошла. Как до утки на двадцать второй год жизни, когда она и Елена уничтожили настоящую хозяйку тела и появилась я.

Сон сняло как рукой. Открытие меня дезориентировало, понимаю, что контакт был слишком коротким и я не уловила всех нюансов и в чём-то могу ошибаться, но она не человек, это точно. К счастью, не бесятина.

Настя всё же была одержимой.

Это не расщепление личности в том понимании, как трактует современная психиатрия.

Меня этот случай захватил настолько, что откинула одеяло, уставилась в потолок, пытаясь прислушаться к своей «визави», но она, как обиженный крабик, уже спряталась под панцирь, однако теперь точно ненадолго, скоро я узнаю, что она успела натворить, пока я сидела взаперти.

Какой смысл лежать в постели с открытыми глазами, мысли наперебой скачут, когда совсем устану, завалюсь и посплю днём. Пришлось снова встать, выбрать простенькое чайное платье, у него очень милая ткань в голубую клетку, и если придётся выйти из дома, то я надену голубой жакет, получится нежный образ с пышной, романтичной юбкой и

строгим верхом. И я уже знаю, куда поеду.

Мне нужно отвезти графу трость и рассказать обо всём, что произошло. На этот раз максимально откровенно. Я решила, проблему надо решать сейчас и кардинально. И вдруг вспомнила, что самое важное-то и не узнала.

О чём договорился Григорий и Аракчеев?

Глава 4

Скорее довожу свой образ до состояния «живенько — миленько», припудриваю тёмные круги под глазами, собираю локоны и пытаюсь позвать на беседу Григория. А он, видимо, смутился после поцелуя и не спешит, чувствую, что укрылся где-то на третьем этаже.

— Ну что же, не хочешь, не надо, поеду к графу и узнаю, от него, — говорю на всякий случай громче, чтобы ещё раз попробовать его приманить лёгким шантажом.

В ответ тишина. Мне всё равно нужно с ним поговорить до встречи с графом, решила, что если поднимусь на третий этаж, то смогу его там поймать.

Так и сделала, но поймала не того, кого хотела.

— Анастасия! Думал, что ты спишь. Но так даже к лучшему, — на лестнице меня встретил встревоженный муж, судя по слегка растрёпанному виду, ему тоже не спалось. И голос сбивчивый, как у человека, пережившего сильнейшее потрясение. Фраза оборвалась на полуслове, так и стоим, молчим, он решается на нечто отчаянное, и я его пугаю?

Чуть было не протянул руку пощупать его пульс...

Но сдержалась, лучше его вообще не трогать, чтобы не получить нечто совершенно неожиданное, дружелюбно улыбаюсь, словно совершенно не обеспокоена случившимся:

— И вам доброе утро, Андрей Антонович, я хотела уточ-

нить насчёт кареты и Анатолия, хочу съездить в Тайную канцелярию, вернёте мне выезд после того, как...

Не успеваю договорить.

Не этих слов он ждал...

Спустился ещё на одну ступеньку, встал чуть ближе ко мне, но недостаточно для того, чтобы снова сорваться в чужую страсть. Театрально поднял руку, требуя от меня молчания, но голову слегка отвернул и опустил, прикрыв глаза, прям Гамлет, ни дать ни взять. Такое в нём проснулось благородство. Чую, сейчас что-то скажет такое, о чём сам же пожалеет.

— То, что между нами произошло ночью, — ненадолго замолчал и, наконец, посмотрел на меня, причём со страхом, но собрал волю и продолжил. — Я думал, что ты изменилась, и эти потусторонние пакости остались в прошлом. Последние дни ты радовала меня своим поведением, но то, что случилось...

— Радовала своим поведением? Тебя напугал всего лишь поцелуй? Разве мы никогда не целовались раньше? — не могу скрыть толику сарказма и улыбаюсь, но руки на груди скрестила, захотелось закрыться от него, потому что меня вообще сейчас всё настораживает, и муж не последний в списке опасностей.

— Да, напугал. Но не поцелуй, а та бесовская тварь, что служит тебе! Он овладел мной, и душа моя ощутила смертельный страх. Это на словах звучит забавно и избито, но на

самом деле, он меня на мгновение вытолкнул из тела, я стоял рядом и смотрел на вас, на себя и тебя со стороны. Это ужасно. Елена была права!

— Даже так? — у меня не нашлось слов, чтобы парировать его выпад, но злость множится, как бы не столкнуть его с лестницы...

— Ты и твой этот мистический любовник решили избавиться от меня, забрать моё тело, вот что ужасно. Елена меня спасала, сдерживая тебя. Но, право слово, вы обе чокнутые. Я и с ней разорву договор опеки. Сегодня же напишу своему маклеру, пусть подбирает мне новую квартиру. Жизнь рядом с тобой пугает меня до оторопи... Формально я могу остаться твоим мужем, но всё остальное выше моих душевных сил. Я хочу жить...

Почему-то не могу его винить, он оказался ещё слабее, чем казался.

— Не волнуйся, думаю, прошение о разводе подпишут против нашей воли, и ты навсегда избавишься от меня. Будь добр, прямо сейчас верни мои бумаги, чековую книжку и все ценности, чтобы тебя после не упрекнули в воровстве, я напишу опись и расписку. А там поступай как знаешь, мне вообще всё равно. Я сейчас поеду к графу Аракчееву и буду умолять его стать моим настоящим опекуном. Он человек чести, заодно все бумаги отдам на хранение.

Делаю шаг в сторону и обхожу «неженку» мужа, видите ли, его призрак коснулся, паникёр несчастный. Я с такой

нечистью живу постоянно и ничего.

Целый час Андрей Антонович передавал мне документы, всё под запись, без лишних слов, и даже взглядов, как будто боялся снова испытать нечто такое, что пережил накануне ночью.

Выписки из банков, документы на дом, мои личные документы, в том числе и из пансиона, какие-то ещё бумаги, в суть которых я не успела вникнуть.

Новенькая чековая книжка...

— Кстати, дорогой, поставь свои подписи на нескольких чеках, сделай одолжение, — я попросила безо всякой тайной мысли. Именно попросила, но он словно услышал приказ. Резко сел за стол и расписался во всех чеках, а потом, сам написал в них равными долями суммы по пятьсот рублей каждый, чтобы был единый почерк, а в датах поставил прочерк и пометил: «От предъявителя, бессрочно».

— Ты делаешь мне подарок... Не ожидала от тебя помощи.

— Я откупаюсь от тебя, чем могу. Ведь этот призрак стоит рядом, и в любой момент может сделать со мной какую-то пакость?

Улыбаюсь, специально смотрю в тёмный угол кабинета и пожимаю плечами. Не думала, что последствия поцелуя окажутся настолько приятными.

Процедура передачи дел заметно ускорилась.

На самом деле, я вдруг начала его понимать, это реально страшный опыт, я переживала подобное и повторять не хочу. Однако он это заслужил, даже не хочу пытаться его успокоить, пусть боится.

Наконец, получила внушительный пакет документов и написала их список с распиской, что претензий по данным документам не имею, остальные данные мне неизвестны. Такой же список переписал Андрей, поставил подпись и вручил мне.

Показалось, что на этом наши «семейные» отношения завершились...

Ему пора уезжать в министерство, и начинать непростой процесс поиска жилья. А мне пора взять приступом Аракчева и заставить его стать для меня защитной крепостью перед лицом новоявленных родственников.

Но муж вдруг встал рядом и сказал совершенно неожиданные слова:

— Если бы ты меня вот также поцеловала хотя бы раз, то...

— Ты всё равно бы сбежал. И правильно сделал бы. Я опасная, ты во всём прав, и не сожалею, от сожалений случаются нехорошие болезни. Мы не пара, и между нами никогда бы не случилось ничего по-настоящему сильного, ни страсти, ни чувств, ни дружеских отношений. Всё изначально построено на лжи. Тебя извиняет только духовная слабость. Поверь, сильного человека призрак никогда бы не смог вы-

бить из тела. И сильные люди не боятся какой-то там магии. Ты ведомый, слегка подкаблучник. Потому и позволил Елене помыкать собой.

— Вот какого ты обо мне мнения, — он вдруг обиделся на правду, мало того, что неженка, так ещё и обиженка.

— Да, и поверь, это мнение гораздо лучше, чем если бы я о тебе думала, как об убеждённом подлеце. С переездом не тороплю, но, когда ты съедешь, на третий этаж двери закрою, и нанимать прислугу лишнюю не буду.

— Если твои новые опекуны не сошлют тебя в клинику, — он нашёл слова, чтобы отомстить. Но я тоже хороша, наговорила унижительных гадостей. — И всё же, мне не хочется расставаться вот так, но это ты не оставила мне шансов. Я пытался наладить...

— Да, неужели...

Посчитала, что мы квиты, взяла довольно толстую пачку бумаг, вторую связку ключей от третьего этажа, ещё раз взглянула на бывшего мужа, и совершенно без сожалений.

— Не прощаюсь, пока не съедешь, нам придётся встречаться, и будь осторожен, сдаётся мне, что не только призрак тобой интересуется. Если ты знаешь тайны Елены, то она постарается, чтобы ты их унёс с собой в могилу.

Обрадовала перспективой стать мишенью для преступного мира и вышла, ещё раз взглянув на портрет отца. Неожиданно показалось, что он одобряет мой поступок и рад изгнанию Андрея. Но лишь показалось, портрет не ожил, и у

меня нет визуальных галлюцинаций, только слуховые.

Раз уж поднялась на третий этаж, решила пройти и посмотреть на освобождающиеся владения, заодно разыскать Григория.

Тёмный коридор и шесть дверей, за которыми отдельные апартаменты, и это мог бы быть довольно доходный бизнес, однако в моём настоящем положении и состоянии, задуматься о создании доходного дома опрометчиво.

Но одно я поняла точно, штат прислуги можно и нужно сократить, так или иначе, но доход Андрея был подспорьем в содержании дома. А теперь я должна всё делать сама, а хозяйшка из меня так себе.

Прошлась по коридору, распахнула плотные гардины у единственного окна и стало светлее. Повинуясь наитию, решила открыть самую дальнюю дверь, подозреваю, что здесь у меня уже есть жилец. Подобрала ключ, вошла и не обманулась.

Гриша обитает здесь. Лежит на широкой, заправленной кровати, вокруг вполне сносная и даже в какой-то мере милая обстановка, типичная для гостевой комнаты. Без украшательств, но всё, что нужно для жизни есть, жильё для вполне приличных арендаторов из среднего класса. Ещё раз встрепенулась мысль, о неплохом доходе с аренды.

Но не эти проблемы меня привели сюда.

— Почему ты прячешься? — подошла ближе и села на небольшой диванчик, очень похожий на тот, что стоит у меня

в комнате.

Гриша как лежал, так и продолжает лежать.

— А ты хочешь, чтобы я был рядом всё время? Тебя это не смущает?

— Смущает, ты прав. Андрей в испуге уезжает. Почему ты так поступил? — включаю интонации психоаналитика, и не вопросом, а именно тоном начинаю изрядно раздражать Гришу, он резко сел, спустил ноги с кровати, сидит точно, как живой человек со своей волей, характером и ЦЕЛЬЮ.

— Андрей слаб духовно, но его тело мне подходит, правда, меньше, чем тело графа.

— Что? — во мне вспыхнула паника, несчастное сердце чуть было не выпрыгнуло да застряло в горле. — Ты же сказал, что не смеешь никого убивать, иначе тебе светит ад до скончания веков...

— Именно поэтому твой муж жив.

Ответ получился острый, резкий и пугающий, как кинжал, притаившийся в моей трости. Пришлось несколько мгновений утаптывать в себе лишние эмоции и чуть более спокойно задать очень непростой вопрос:

— Именно поэтому ты хотел, чтобы опеку надо мной взял Аракчеев, и ты бы занял его тело?

Начинаю сомневаться в его безобидности.

— Плюс-минус...

Он говорит так, словно, мы обсуждаем совершенно незначительное дело...

— Плюс-минус? — чуть было не подавилась, пытаюсь сглотнуть ком в горле. — Что у вас произошло с Аракчеевым, если ты вдруг решил поцеловать меня? Это была примерка тела, как запасной вариант? Ведь так?

Давлю на него, могла бы, наверное, как-то проникнуть в его сознание, но уже боюсь.

— Встречи с графом не получилось...

— Почему?

Он долго молчит, и я теряю терпение, психотерапевт из меня так себе:

— Говори, он что умер? Хотел тебя убить?

— Вполне себе жив, и меня даже не заметил, но у него была женщина. Я не счёл возможным прерывать их очень непростой разговор.

Новость неприятно уколола.

Чему я удивляюсь, Даниил Романович красивый, сильный, имеет огромное влияние в обществе, власть и, наверное, богат. Любая мечтала бы стать его парой, любая.

А я в этом списке последняя...

Но Гриша виртуозно прошёлся по моей психике:

— Вот ты и попалась, только такие моменты проявляют скрытые желания. У тебя к нему есть те самые чувства, настоящие, глубокие бессознательно, тебя тянет к нему, как меня тянет к тебе. Ты уже готова отступить, ради того, чтобы он был счастлив с другой. Боже, Настя, сколько в тебе лишней жертвенности. Она до добра не доводит, посмотри

на меня...

В раздражении закатываю глаза и фыркаю: мне только психоанализа сейчас не хватало...

— Прости, я честное слово, не помню наши с тобой отношения в прошлом, и тебя это раздражает. Да, кажется, меня неудержимо тянет к Даниилу, это какое-то глубинное, подсознательное чувство, какое совершенно не могу контролировать. Как приворот или гипнотическое воздействие. Однако вот прямо сейчас меня волнует совсем другая правда. Ася на мгновение показалась, и я прочувствовала её суть. Пойми, у меня получилось единение с телом, оно меня слушается, но если я выйду, то Ася не справится, она не человек. У неё нет человеческой структуры, если ты понимаешь, о чём я пытаюсь тебе сказать. Без меня тело превратится в ходячего мертвеца.

— Не просто понимаю, я знаю, поэтому Андрей до сих пор жив, у меня с ним тоже нет единения...

— Я не про Андрея, дурная твоя голова. Если с графом что-то случится по твоей вине, то я найду способ, как тебя приструнить, понял?

Он лишь ухмыльнулся.

Глава 5. Безвыходная ситуация

Очень сложно разговаривать с Гришей, у меня были одни важные вопросы, а у него совершенно другие на уме. И не самые безобидные, как оказалось, а ведь говорил, что не хочет намеренно причинять вред Елене, хотя она заслужила, ведь преступила черту – убила Настю. А теперь готов примерять «тела» живых мужчин. Донорство в нашей ситуации вышло на совершенно другой уровень.

Единственное объяснение: он отчаялся.

Призрачная «жизнь» его не устраивает и пугает так же, как меня пугает положение моих дел: Ася, Андрей, Елена и Кирилл Львович с их опекой. Понятия не имею, как выкрутиться из сложившейся ситуации. Хотела попросить Григория разведать, понять, где я была и что натворила. Но разговор не клеится.

И всё же решаюсь попросить, пока он не обиделся на мою строгость.

— Ты знаешь, что произошло? Меня вчера против воли вывезли из дома и заставили подписать какие-то бумаги, это ведь мошенники? Назвались моими родственниками и теперь решили отнять, что ещё осталось?

Его, кажется, вообще не заинтриговал мой тревожный вопрос, ответил сразу, ни секунды не задумываясь:

— О тебе вдруг вспомнила настоящая семья твоей мате-

ри, очень опасные люди, полностью закрытые, я всю ночь пытался их отследить, понять и сделать хоть какие-то выводы, и всё безуспешно. Не знаю, каким образом, но они под какой-то защитой. В прошлой жизни я бы сказал, что эта магическая хтонь — чушь полнейшая, но вот он я — живой призрак, а ты швыряешь предметы силой мысли, и тут уж не поспоришь. Жизнь после смерти есть, и магические силы тоже есть. Так что, ты попала в тело не просто одарённой девушки, а в невезучую наследницу магической династии. Нет, они не превращают воду в вино, не делают из меди золото, из стекла бриллианты тоже не делают. Их силы ментальные: ясновидение, гипноз, есть среди них медиумы и ещё какие-то. Настя оказалась сильнее всех, она способна швырять предметы, это редкий дар ментального воздействия на материальные объекты, концентрация силы огромная, и потому опасная. Ася — сила, переходящая по наследству, и ты выиграла джекпот, собрав все сверхспособности рода. Вот как-то так...

Мой рот от удивления открывается, глаза округляются, и сказать я не могу ни-че-го! Нет, я нечто подобное предчувствовала, но Гриша меня смог не удивить, а ошеломить. Он не терял времени даром, но и не предупредил об опасности.

— А мне сказать религия не позволила? — возмущаюсь, не скрывая злости.

— Ты не смогла бы противостоять мощному гипнозу без Аси, а Ася по дури своей не собиралась тебе помогать. Она всё равно действует бездумно... Я попытался помешать, но

безрезультатно, увы.

— А вырубить меня не мог? Господи, ну хоть об косяк головой, чтобы я пролежала неделю, не совершая убийственных проступков? — слёзы отчаяния подступили, но от злости не могу рыдать и впустить пар, кажется, я сейчас взорвусь от гнева. — Я на грани сумасшествия, и это не красивые слова. Мне даже здороваться с такими людьми опасно? — резко встала, и пачка документов рассыпалась по полу.

Бешенство жжёт меня изнутри, уверена, что Гриша мог меня отключить, и тем спасти, но его любопытство взяло верх, а теперь нас ждут такие последствия, что карцер монастыря раем покажется.

Очень хочется ругнуться как следует, и уйти, послать вообще всех в сад, но я опустилась на колени и начала собирать бумаги дрожащими руками.

Его ответ добил моё терпение окончательно:

— А тебе не скучно? Хочешь просто жить? Первая же взвоешь от скуки...

— Скучно? Ты в своём уме? Я только что сказала тебе, что почти не вывожу дело с Асей. Я бы с удовольствием поскучала недельку, без её психов, и без постоянного присутствия посторонней сущности в моей голове. Были бы медикаментозные препараты, выпила бы не задумываясь.

— Они тебя не оставят. Ты для их клана бесценный экземпляр, — он всё так же невозмутим и спокоен, а я на грани срыва, после которого одна дорога в психиатрическую «ле-

чебницу», только вот в этом мире — «пыточную».

Собрала все бумаги, положила их на стол и снова села на диван, похоже, мы, наконец, добрались до самой важной части разговора. Сердце ещё отбивает тревожную дробь, глаз дёргается от нервного тика, но, видит Бог, паника меня потопит быстрее, чем бездействие. Закрываю глаза и долго выдыхаю, сжимаю-разжимаю кулаки и сглатываю ком в горле, заставляя тело расслабиться хоть на толику, и позволить разуму включиться в реальность и работу. Гриша не мешает, Ася вообще забилась в глубины подсознания, где держала меня, пока творила дичь, понимает, что я на грани и могу сделать опрометчивый шаг.

Вдох, выдох. Вытягиваю ноги вперёд и тяну на себя носки, потом вперёд, напрягая и расслабляя. Это небеспричинная паническая атака, это реальная опасность для моей жизни, однако, она отложенная и непредсказуемая, прямо сейчас мне ничего не угрожает, кроме меня самой и моего же давления, какое вдруг разогналось как скоростной поезд. Телу нужно помочь избежать инсульта, только он сейчас опасен.

Несколько долгих минут я переключала фокус внимания со страха, на реальность, не сразу, но помогло.

Долгий выдох и я, наконец, собралась:

— Они мафия? Я стану работать на них, есть хоть какие-то зацепки, чтобы сдать этих людей Тайной канцелярии? — ничего не успокаивает лучше, чем логическое мышление...

— Не могу знать, только чую, род на первый взгляд кажется разрозненным, у всех разные фамилии, разные дела, службы, бизнес. Официально они между собой не связанные и на людях не афишируют родство, даже на свадьбы и поминки не все собираются. Но неофициально всё очень детерминировано, абсолютный контроль главы рода, и безапелляционное подчинение младших «по званию». Кровная связь если и есть, то очень слабая. Ты последняя чистокровка.

— Все признаки мафии, ОПГ. Ты на это намекаешь? — пропускаю пугающие слова про чистокровку.

— Что? Заинтересовалась?

— Я испугалась, неужели непонятно? Какие документы она подписала?

— Прощение на реабилитацию рода Валевских, повторю, ты последняя чистокровка и с этого дня элита... Они хотят легализации, и ты им в этом поможешь. Боярыня, официальная глава клана, последняя из носителей древней фамилии, это ли не честь.

Столько сил потратила, чтобы успокоиться, но последняя фраза всколыхнула Асю, и я снова чуть не сорвалась в панику:

— За что ты так со мной?

— Увы, я здесь не просто сторонний, а тень постороннего наблюдателя, никак не могу влиять на ситуацию. Откровенно говоря, про семью, могу лишь вспомнить расхожую фразу: такова судьба. Либо ты становишься им полезной, ли-

бо низводишься до роли суррогатной матери и будешь рожать до той поры, пока не появится одарённый младенец. Они могут забрать тебя в любой момент, увезти, запереть и использовать. Сейчас твоё положение гораздо лучше, они не настолько преступники и гопники, и твой боярский титул для них имеет высочайшую ценность. Повторюсь, ты со вчерашнего дня — элита!

— Элита преступного клана?

— Все в какой-то мере преступники, даже граф Аракчеев имеет тёмные пятна на своей репутации. С волками жить, как говорится...

— Я была о тебе лучшего мнения, но не настолько, чтобы сейчас разочароваться.

— Я никогда не пытался казаться лучше, чем есть на самом деле, а у тебя явные проблемы с иллюзиями, ты — психолог или романтическая барышня? Чем быстрее твоё внимание и суждение превратится в острый скальпель, способный отсекал всё лишнее, тем проще станет твоя жизнь...

Снова встаю, но не так резко, взяла бумаги и решила выйти, пока не стало поздно. Но потом повернулась, улыбнулась и внезапно пришло замечательное решение, как обломать всех:

— Спасибо за своевременное напоминание о моей профессии. У меня появилась замечательная идея, сейчас за Николаем приедет следователь, и я уеду с ними под опеку игуменьи Евдокии, просто останусь в монастыре, пока обо мне

все не забудут.

— Они о тебе уже не забудут. Ты их последняя возможность легализоваться и укрепиться окончательно, получить доступ к власти, нас спасает только то, что у них на руках пока недостаточно данных о твоей матери. Если доберутся до сейфа, то дело решится гораздо быстрее. Но неужели тебе неинтересно узнать все тайны преступного клана?

Ох, какой тон, возомнил себя искusstелем, ну-ну:

— П-ф-ф! Хочешь взять меня, как девочку, на слабо? Не выйдет, я не собираюсь ни на кого работать. Тем более не собираюсь стать селекционной особью. Всё, иду к себе и потом к Аракчееву, расскажу всё, и пусть он придумает план моего спасения.

— Значит, монастырь отменяется?

Делаю гримасу раздражения, потому что он победил, видимо, знает меня гораздо лучше, чем я себя знаю и помню.

— Целуешься ты, так себе, это я к тому, что не ради тебя я решила остаться, а ради настоящей Насти. Надеюсь, ты понимаешь, что против мафии одарённых мы не устоим, скорее всего, даже Аракчеев не устоит, так что недолго нам осталось. Скоро будем сидеть на облачке и считать звёзды, всё как ты хотел, сплошная романтика.

— Но тебе понравился мой поцелуй...

Вспыхиваю щеками, как алая роза, и Гриша заискрился, словно через него сейчас прошла живительная энергия.

— Всё, отстань, честно слово, к твоим способностям, хоть

бы толику такта, я же сказала, что не вывожу ситуацию. И впредь будь добр, предупреждай нас с Асей о проблемах заранее. И она уже поняла, что без меня ей долго не протянуть. Мы с ней на полпути к договорённости.

Сказала чуть злее, чем собиралась, но он всё равно победил. Я и правда купилась, попалась, попалась на его крючок. Мне стало очень интересно, если не узнаю ничего про семью Марианны, то не пойму, что из себя представляет Ася. Избавиться от неё, видит Бог, мне не суждено, но и оставлять дело в том состоянии, как оно сложилось сейчас — невозможно, я на грани помешательства.

Всё остальное почему-то не восприняла всерьёз, ни новое замужество, ни перспективу стать суррогатной матерью для мафиозного клана. На самом деле, если я впредь буду чуточку осторожнее, то никакой Кирилл Львович больше не посмеет больше применить гипноз. Мы с Асей можем практически всё — от общения с призраками, до гипноза и ясновидения, только ещё не тренировались и не пробовали свои силы. А когда попробуем, то всем мало не покажется. Именно верой в себя успокоилась, ещё бы Ася приняла мою сторону на сто процентов...

Медленно спускаюсь к себе и принимаю единственно верное решение — срочно проехать в Тайную канцелярию, покуда в мой дом не нагрянула «семейка Аддамс» с Еленой-Мортишей во главе. Улыбаюсь, потому что очень точно подобрала образ. Больше поводов для радости нет. Гри-

ша жесток, но прав во всём. Он очень хорошо разбирается в криминальном мышлении, предугадывает мотивы со сто-процентным попаданием. Я им нужна вся, от титула до ре-продуктивных функций.

Передёрнуло от отвращения. Положение всех женщин этого мира мало чем отличается от моего. Никаких прав без мужа или опекуна, никаких свобод, никаких возможностей. И снова показалось, что спастись в монастыре – не самая плохая идея, может быть, и Марию забираем зря, жила себе женщина спокойно...

На первом этаже послышался шум закрывающейся двери, или Андрей уехал, или Николай. Жаль, что мне придётся ехать в общественном транспорте. Затягивать с визитом к графу не хочу, да и опасно в моём положении.

Сама собралась, надела жакет от опасного голубого костюма, шляпку и перчатки. Стеша и так выбивается из сил, занимаясь домом, на свои женские нужды её не привлекаю. Несколько секунд размышляла, как нести трость...

Сначала думала завернуть её в тряпку.

А, собственно, зачем её прятать. Она опасная, и раз в обществе правит криминал, то трость послужит для меня защитой.

Смотрю на «орудие» и вспоминаю слова Гриши, что я уже стала элитой теневой стороны столицы.

Неприятное ощущение, словно летучая мышь села на спину и не стряхнуть. Бр-р-р.

— Бумаги! — надо бы спрятать пачку бесценных бумаг так, чтобы никто не нашёл, хотя бы в ближайшее время. Но в доме таких тайников нет, вспоминаю, о «тайнике» в никому не нужном рояле, кстати, там до сих пор лежат мои драгоценности.

Только собралась идти в музыкальную гостиную, протянула руку к ручке двери, и чуть не получила по носу, что странно для одарённой, уж такие мелочи не предвидеть...

На пороге испуганная Стеша в сером фартуке и с пугающими новостями, ну а какие ещё у нас могут быть новости:

— Ой, простите, простите, я вас не ушибла, так испугалась, что постучать забыла. К вам очень важный господин, я не смогла его не пустить, ждёт в парадной гостиной! — прошептала скороговоркой.

— Тот, что вчера?

— Не-е-ет! Ещё более важный, я от страха и не спросила, как его зовут, быстрее к вам...

Прячу бумаги в ближайший комод, беру с собой «боевую» трость и выхожу за Стешей, встречать очередного очень важного посетителя.

С каждой секундой волнение захватывает с новой силой, я, кажется, начала догадываться, кто ко мне пожаловал, открываю дверь и расплываюсь в довольной улыбке...

— Вы!?

— Доброе утро, Анастасия Сергеевна, не помешал ли я вашим планам? Вы куда-то собрались?

Улыбаюсь ещё шире, ничего не могу с собой поделать, реагирую на графа так же, как Ася реагирует на Гришу:

— К вам!

— Значит, я сэкономил ваше время. Мне срочно нужна ваша помощь, очень срочно, дело весьма деликатное, семейное и, к великому сожалению, бросающее тень на репутацию нашего рода, и это я мягко выразился! — в его голосе проявили себя нотки неподдельного волнения, и тем слегка погасили мой романтический пыл, даже не нашлась что сказать по его поводу, потому сразу выдвигаю встречное условие:

— А мне катастрофически нужна ваша помощь, я на краю обрыва, и почва под моими ногами начинает осыпаться, — поднимаю трость, и он, кажется, её узнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.